

"Вууш!" На вершине каменных ступеней за пределами Храма Древнего Пути появилась волна света.

После рассеивания света медленно появилась красавица.

"Так волшебна, что Фэн Фэйюнь знает пространственные законы и техники. Ходят слухи, что только Дворец Священного Духа имеет доступ к телепортационным рунам такого типа". Чан Линьэр бросилась вниз с горы.

Это место было слишком близко к святилищу, и еретики могли заметить ее, так что время было дорого.

На хребте она встретила монаха в белом одеянии. Он был совсем молод, около двадцати лет, чрезвычайно красив, с идеальными чертами лица.

Он медитировал под сосной, окруженный буддийским свечением с многочисленными благоприятными изображениями. Рядом с ним стояла белая деревянная корзина с несколькими картинами и старыми свитками - явно странствующий монах.

Да, этот монах был странно красив, красные губы и белые зубы, полный духовности. Он, конечно, не мог настолько уступать самому красивому мужчине в мире.

Казалось, он отдыхал под сосной. Увидев ее, он встал, скрестил ладони и, склонив голову, почтительно спросил: "Дружище буддист, могу ли я узнать, является ли это место горой Древнего Пути?".

Его голос был полон буддийской близости, от него исходила аура мастера, несмотря на его нежный возраст - вполне в гармонии с небесным дао.

Линьэр спешила, но почему-то почувствовала нечто более сильное, чем при виде статуи Будды в зале поклонения. Она сложила ладони вместе и сделала ответный жест: "Это действительно Гора Древнего Пути".

Монах сказал: "Мое дхармовое имя - Бесформенный. Я путешественник из храма Вознесения на западе и слышал, как жители деревни с горы рассказывали о храме Древней Тропы, спокойном месте поклонения. Я пришел с визитом, надеясь побеседовать с великими здешними монахами".

"Брат, пожалуйста, немедленно покинь это место! Древний Путь больше не является местом поклонения и был оккупирован злом. Они убийцы, питающиеся человеческой плотью, превратившие святилище в ад на земле!"

Она не знала, почему потратила столько времени на этого странного монаха, но чувствовала, что он был окутан огромным буддийским родством, даже большим, чем буддийский Верховный

Бу.

Этот монах ненавидел зло больше всего на свете. Его глаза стали серьезными: "Они собираются захватить буддийскую святыню среди бела дня? Это недопустимо. Я пойду и изгоню их".

Линг'эр не хотела, чтобы он потерял свою жизнь, и убедила его: "Ты не сможешь..."

"Дружище буддист, не говори больше. Буддист не боится зла. Даже Будда будет реветь в битве, когда это необходимо". Он поднял свою корзину и превратился в белый луч. В следующую секунду он приземлился прямо перед святилищем.

"Такой сильный, несмотря на свой возраст... из Раптура на западе? Почему я раньше о нем не слышала?". Она побежала к Зверолову, думая о том, что он сказал ранее - буддист не боится зла. Даже Будда может с ревом броситься в бой, когда это необходимо.

Он не проявил ни малейшего признака страха перед монстрами, настоящий буддист. Почему я боюсь? Неужели мои буддийские достижения еще недостаточно сильны?

Цянь Цюшэн немного посмотрел на Фэйюня и улыбнулся: "Ваше превосходительство, хорошо сказано. Мужчина, конечно, не станет делить своих женщин с кем-то еще".

Два еретика, которые хотели войти, стали недовольны и отступили.

"Что такое второй раунд?" Фэйюнь снова сел, его выражение лица успокоилось.

Цюшэн улыбнулся: "Я придумал первый, так что второй раунд за вами, ваше превосходительство".

Фэйюнь не стал отказываться: "Очень хорошо, тогда у нас будет битва божественных намерений".

"Хм, это не совсем правильно, ваше превосходительство, ваша культивация..." Цюшэн обладал сильной культивацией, поэтому его божественные намерения тоже были сильными.

Фэн Фэйюнь был лишь четвертым уровнем Мандата Небес, поэтому не имело значения, насколько сильными могли быть его божественные намерения, он все равно не мог сравниться с Цюшэном.

Состязание божественных намерений было довольно опасным. Одна ошибка могла закончиться тем, что человек превратится в дурака или даже истечет кровью из семи отверстий до самой

смерти.

Хотя Цюшэн был уверен в победе, он не хотел сильно ранить Фэн Фэйюня. Провоцировать двух монстров позади него было не очень хорошо для Сенлуо.

"Ходок по жизни, ты думаешь, что я не гоюсь тебе в соперники? Мое божественное намерение было достаточно сильным, чтобы сломать печать хозяина лагеря, поэтому победа не будет для тебя легкой". Фэн Фэйюнь взял инициативу в свои руки.

Он выпустил из своего лба сорок сияющих лучей, похожих на звезды. Они собрались в круг и превратились в огромный молот, нацеленный прямо в голову Цюшэна.

Его намерения превзошли все воображение. Дрожащая сила зазвенела, как мощный гонг.

"Сорок!" Цюшэн был поражен и быстро вызвал свои собственные - десять божественных лучей. Они образовали свою собственную область и источали тончайшие нити, охватившие зал.

Он был достоин быть лидером четырех ходоков и мастером мудрости девятого ранга. Божественные намерения были огромны, они могли соединяться с рунами неба и земли. Хотя у него их было всего десять, они разделялись на тысячи крошечных нитей, способных поразить чужую душу.

У Цинхуа был в ужасе от их божественных намерений. Культиваторы Мандата Неба не должны обладать такими мощными ментальными способностями.

В целом, эти еретики были могущественны, особенно четверо ходячих. Они не могли победить слабее своих печально известных предшественников двухтысячелетней давности.

Однако самым шокирующим было божественное намерение Фэн Фэйюня. Любой другой, столкнувшись с Цюшэном, уже упал бы на спину. Намерения Фэйюня менялись непредсказуемым образом - собирались и рассеивались, превращались в молот, зеркало, затем в меч...

Несмотря на то, что битва носила ментальный характер, она была чрезвычайно опасной. Странные образы появлялись в зале во время этой равной дуэли.

Внезапно снаружи раздался громоподобный львиный рев, в котором была ярость Будды, от которого у всех едва не лопнули барабанные перепонки. Божественные намерения Фэйюня могли бы быть раздавлены, если бы не были невероятно сильны.

У Цюшэна дела обстояли не лучше, и он тоже получил повреждения. Он послал одного из них и сказал: "Что происходит?"

Еретики вылетели наружу, чтобы проверить, от них исходила злая аура.

Прежде чем еретик успел доложить, до них донеслось печальное причитание молодого монаха: "Мир рождает мириады творений ради людей. Мы должны ценить это и быть милосердными, следуя верным путем. Человек-людоед ничем не отличается от зверя".

Монах под именем Бесформенный вошел в святилище и увидел жарящихся на кострах монахов. Печаль зародилась внутри, и он сдержал слезы.

У Цинхуа сама побледнела, увидев эти жестокие образы. Однако Бесформенный чувствовал только печаль, он был совершенно запуган. Более того, его печалили не жарящиеся монахи, а те, кто их ел.

Нет ничего печальнее, чем люди, теряющие свою человечность.

"Монах, посмотри, какой ты красивый, могу поспорить, ты будешь вкусным". Полушаговый Гигант, сидящий перед костром, обрушил сверху десятиметровый удар ладонью.

Бесформенный гордо стоял, неся свою корзину. Он покачал своим молодым и красивым лицом и пошел прямо на этого еретика, бормоча при этом: "Один шаг - одно искупление; один шаг - один лотос".

Он стал ликовать, и над ним появился Будда. Удар ладонью пришелся по его голове, но лишь слегка раздул рукава его халата, почти как легкий ветерок.

Полушаг был поражен. "Что это еще за буддийское искусство?"

Он встал, желая снова сделать шаг. Однако Бесформенный уже стоял перед ним. Монах положил свою белоснежную руку ему на голову.

То, что произошло дальше, поразило толпу. Эта его рука несла в себе необъятную силу Пятипалой горы, достаточную для того, чтобы остановить движение этого полушага.

Когда Бесформенный отдернул руку, тело полушага становилось все более прозрачным от процесса утончения с белым лотосом в центре.

Подул ветер, и его тело вместе с лотосом бесследно исчезло.

"Черт! Цзин Санькэ был послан своим буддийским искусством!" Старик, тонкий как палка, вскочил на ноги.

Он был одновременно знающим и сильным. Из его глаз вырвались золотые лучи, и он уставился на монаха: "Монах, кто ты, черт возьми, такой?!"

"Я - Бесформенный". Монах сложил ладони вместе; его белый халат освободился от

загрязнений. Его тело стало похоже на священное дерево Бодхи, источающее невыразимую святость и статность.

Монахи, все еще живые в святилище, преклонили колени на земле с благоговением в глазах.

"Вы знаете, кто мы такие? Ты смеешь вмешиваться в наши дела?!" Сильно татуированный мужчина достал гроб с кровавой тенью, полный холодной энергии внутри.

"Буддист никогда не боится. Я прошел в общей сложности 288 000 шагов от Раптура до этого места, наблюдая за жизнью людей по пути. Хотя мой титул - Бесформенный, я не хочу быть бесформенным. Когда я видел несправедливость, я гневался. Когда я видел зло, я желал переступить через него. Когда я видел чудовищ, я хотел их убить. Прежде чем стать Буддой, нужно сначала поработать волом на людей. Я возьмусь за нож мясника, чтобы убить все зло. Мой путь к статусу Будды никогда не закончится, пока не исчезнет все зло".

Его голос звучал в огромном слуховом пространстве. Лампы в святилище внезапно были зажжены невидимой силой, и они ярко горели.

Буддийские песнопения эхом разнеслись по горам, смывая грехи в этих залах. Поначалу испуганные монахи снова начали скандировать, обнаружив, что избавились от страха.

<http://tl.rulate.ru/book/119/2984290>